

*Madina Aleksiejewa, Oksana Ostapczuk
Moskwa*

Многокомпонентные термины в научном дискурсе и в информационной системе славянского языкознания iSybislaw (на примере русского и польского языков)

В современном терминоведении особое внимание исследователей привлекают сложные многокомпонентные номинативные единицы, используемые для обозначения научных понятий. Многокомпонентный термин понимается как составное терминологическое сочетание устойчивого типа с числом полнозначных компонентов более двух¹, как правило, с ядерным субстантивным комплексом. При структурной раздельнооформленности для этого вида терминов характерна терминологическая устойчивость и семантическая целостность, а также воспроизводимость, хотя степень идиоматичности может существенно различаться в зависимости от характера терминоединицы. Семантическое значение таких сочетаний обнаруживает те же специфические черты, которые характерны для однословных терминов: подчеркнутая номинативная функция, тесная связь со специальным понятием в рамках конкретного раздела научного знания², отсутствие стилистической (коннотативной) компоненты.

Как отмечают исследователи, активное развитие многокомпонентных терминов связано с формированием новых подсистем знания в различных отраслях науки, это хорошо видно, в частности, на примере языкознания. Действительно, наибольшее количество многокомпонентных терминологических сочетаний используется в относительно молодых разделах науки о языке, та-

¹ Не смешивать с композитами типа эколингвистика и под.; см. Кудинова Т.А., *К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подъязыка биотехнологий)*, "Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология" 2011, вып. 2(14), с. 59.

² Лейчик В.М., *Терминоведение: предмет, методы, структура*, Москва 2006, с. 30.

ких как социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика и под. Однако и в традиционных разделах лингвистики (диалектологии, словообразовании и пр.) составные (чаще всего двухкомпонентные) термины, несомненно, уже вошли в ядро частных терминосистем, как например, в семантике: *функціонально-семантичне поле* = *pole funkcjonalno-semantyczne*, *семантическая оппозиция* = *opozycja semantyczna*, *узвальное значение* = *znaczenie użalne*³, в морфологии: *усилительная частица* = *partykuła wzmacniająca*, *служебное слово* = *wyraz rotosniczy* (ср. также используемые в современных работах термины *wyraz funkcyjny* = *wyraz synsemantyczny*), в фонетике: *асимиляция фонетическая* = *fonetyczna asymilacja*, *фонетическая ассимиляция*, *fonetyka eksperymentalna* = *экспериментальная фонетика* и т.д. В целом, как показывают статистические подсчеты, в различных частных терминосистемах сегодня словосочетания составляют от 39 до 54% всех терминов⁴, что делает насущной задачу включения многокомпонентных терминов как в традиционные терминологические словари, так и электронные базы данных. Задача отбора и верификации идиоматичности многословных терминов остро стоит, в частности, перед международным коллективом исследователей, работающим над развитием и совершенствованием библиографической информационной системы славянского языкознания ISYBISLAW (isybislaw.ispan.waw.pl).

Создание многокомпонентных терминологических сочетаний демонстрирует отчетливое стремление к сохранению их мотивированности, установлению тесной связи с обозначаемым⁵. Это, в свою очередь, способствует их «номинативной самодостаточности» – многокомпонентные обозначения способны идентифицировать объект на уровне видовой номинации без обращения к дополнительной дефиниционной информации⁶. Таков путь образования большинства традиционных таксономических обозначений, напр., в фонетике: *смычный согласный, взрывной согласный* = *spółgłoska zwarto-wybuchowa*, словообразовании: *словообразовательное гнездо* = *gniazdo słowotwórcze* и под. Одна из практических задач терминоведения и создания сложных терминоединиц состоит в систематизации парадигматических связей в рамках конкретной терминосистемы⁷. В ходе терминоведения видовые по-

³ Здесь и далее примеры из iSybislaw и связанного с ним концептуально словаря: Z. Rudnik-Karwatowa, H. Karpińska, *Słownik słów kluczowych językoznawstwa slawistycznego*, Warszawa 1999; (исправленная и дополненная электронная версия: Warszawa, 2005).

⁴ Ладзинь Т.А., *Проблема идиоматичности терминов-словосочетаний на материале предметной области «права человека»*, «Вестник Санкт-Петербургского университета», серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, 2008, вып. 2, ч. II, с. 157.

⁵ Лейчик В.М., *Терминоведение...* Москва 2006, с. 39.

⁶ Рябко О.П., *Номинативные и структурно-семантические свойства сложных субстантивных образований (на материале наименований растений)*: автореф. дис. канд. фил. наук. Пятигорск, 1988., с. 5.

⁷ Лейчик В.М., *Терминоведение...* Москва 2006, с. 37.

нения обозначаются путем вычленения их из более общих родовых, причем на нескольких последовательно выделяемых ступенях деления⁸. Новое понятие формулируется, таким образом, за счет пересечения объема содержания у компонентов, входящих в терминологическое сочетание⁹. Более того, именно возможность соотнесения с другими терминами и таксономическими категориями является одним из критериев идиоматичности терминологического сочетания. Так, ср. напр.: многокомпонентные термины *функционально-семантическая категория* = *kategoria funkcjonalno-semantyczna* (ср. *грамматическая категория* = *kategoria gramatyczna*), *функциональный анализ* = *analiza funkcjonalna* (ср. *структурный анализ* = *analiza strukturalna*), с одной стороны, и квази-термины, нетерминологические сочетания, которые решено было не включать в базу iSybislaw: *функциональный аспект*, *функциональный тезаурус* – с другой.

Заметим, что для обозначения новых понятий в языке могут использоваться одновременно несколько способов терминообразования, т.о. создание многокомпонентных терминов оказывается лишь одним из возможных вариантов номинации, наряду с деривацией или композицией. Это, в свою очередь, может приводить, с одной стороны, к параллелизму номинаций, а с другой – к несимметричности формальной (не содержательной) структуры термина в русской и польской лингвистической литературе: ср. *когнитивистика* / *когнитивная лингвистика* = (*kognitywistyka*) / *językoznawstwo kognitywne* с более широким значением первого термина в обоих языках; *язык меньшинства* = *język mniejszościowy* / *język mniejszości* (при подчиненном положении второго польского термина). При этом для выражения идентичных (чаще всего определенных) семантических отношений в разных языках могут использоваться как одинаковые, так и различные структурные схемы построения терминологических словосочетаний, ср.: *текстовое слово* = *wyraz tekstowy*; *текстовая функция* = *funkcja tekstowa*, НО *текстовая структура* (= *структура текста*) = *struktura tekstu*, *схема предложения* = *schemat zdaniowy* (при возможном параллелизме *schemat zdania* / *schemat składniowy zdania*). Т.о., в первом случае при полном тождестве элементов сопоставляемых единиц, в том числе на структурном уровне, между ними устанавливаются отношения полной (компонентной) эквивалентности¹⁰. Во втором же случае при возможном различии формально-структурных характеристик сохраняются основные компо-

⁸ Лейчик В.М., *Терминоведение...* Москва 2006, с. 42.

⁹ Абрамова Г.А., *Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития*, Краснодар 2003, с.107.

¹⁰ Хотя при работе над информационной системой iSybislaw перевод терминов не применяется, в ряде случаев понятия теории перевода при поиске соответствий могут оказаться полезными, см., напр.: Швейцер А.Д., *Теория перевода (статус, проблемы, аспекты)*, Москва 1988.

ненты значения, что позволяет говорить о семантической – частичной – эквивалентности. Важно подчеркнуть, что именно семантическая эквивалентность признается ведущим принципом для установления тождества таких слов или словосочетаний, которые имеют в двух языках узуально закрепленное идентичное или близкое значение¹¹. Аналогично трактует понятие эквивалентности *Tezaurus terminologii translatorycznej* (1993) как отношения содержательно-стилистической равноценности.

Особо следует выделить проблему идиоматичности многокомпонентных словосочетаний, используемых в научной речи, при их отборе для словника. Она связана, с одной стороны, с терминологической устойчивостью частотных, но слишком общих обозначений с размытой семантикой типа *диалектологические исследования = badania gwarowe* (при наличии термина *диалектология*), *язык научного текста = научной речи* (при наличии термина *научный стиль*), а также «модных» сочетаний типа *диалогическое единство, дискурсивное слово, дискурсивное высказывание*. С другой стороны, этот вопрос встает в связи с чрезмерно детализированными номинациями типа *ткацкая лексика = słownictwo tkackie, сельскохозяйственная лексика = słownictwo rolnicze, пчеловодческая лексика = słownictwo pszczelarskie* из-за невозможности охватить в таксономии все тематические разделы лексики, что ни в коей мере не умаляет ценности научных исследований, объектом которых они являются.

Как отмечается, оптимальная содержательная структура термина должна включать название объекта и как минимум один отличительный признак¹². Однако в связи со стремлением отразить в многокомпонентных терминах максимальное количество признаков, а также вследствие постоянного уточнения и усложнения терминологического аппарата современных лингвистических исследований, остро встает вопрос о необходимости и достаточности при установлении длины терминологического сочетания. При категорическом преобладании двухкомпонентных номинативных единиц и наличии определенных структурных и логико-стилистических ограничений при образовании терминов¹³, отмечаются также терминологические сочетания с большим числом элементов. В ряде случаев это продиктовано самой логикой развития терминосистемы. Так, одним из распространенных путей формирования сложных терминологических обозначений является усложнение и уточнение именной конструкции за счет добавления дополнительных характеристик с

¹¹ Ср. на примере правовой терминологии: Козловская З., *Отношения переводческой эквивалентности (на материале государственно-правовой лексики русского и польского языков)*, [w:] *Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках*, Москва 1997, с. 78.

¹² Лейчик В.М., *Терминоведение...* Москва 2006, с. 49.

¹³ Кудинова Т.А., *К вопросу о природе многокомпонентного термина...* с. 60.

целью дифференциации понятий¹⁴: ср. двухсловный термин *язык автора* = *język autora* и многословное обозначение *язык автора литературного произведения* (= *язык автора художественного произведения*) = *język autora dzieła literackiego*.

Определенные ограничения возникают также в связи с другими формальными характеристиками многокомпонентных терминов, в частности, с морфологической оформленностью ядерного (субстантивного) элемента. В большинстве случаев словарной (исходной) формой термина признается терминологическое сочетание с базовым существительным в форме единственного числа. Однако в связи с дискретностью ряда объектов номинации и спецификой обозначаемых понятий в базе славянского языкознания обнаруживаются также словосочетания с ядерным компонентом во множественном числе, см. напр., обозначения словообразовательных категорий: пол. *nazwy osób*, *nazwy barw* ср. рус. *наименования / названия лиц*, а также однословный термин *цветообозначения* (при наличии формы ед.ч. *цветообозначение*). Особую проблему представляет закреплённость за терминоединицами конкретной морфологической формы в одном из языков, что приводит к неполной эквивалентности¹⁵ при их межъязыковом сопоставлении. Так, например, по традиции в русской диалектологии принято употреблять обозначения территориальных разновидностей языка во множественном числе: *псковские говоры*, *рязанские говоры*, *архангельские говоры* и т.д. (аналогично в украинском *гуцульські говірки*, *бойківські говірки*, *лемківські говірки*). В свою очередь, согласно польской диалектологической традиции, минимальной территориальной единицей национального языка является *gwara*, соответственно, выделяется *gwara kurpiowska*, *gwara podhalańska* и т.д., а затем как единица более высокого порядка *dialekt* – *dialekt mazowiecki*, *małopolski* и т.д. Попытка соотнесения терминов разных языков приводит к пересечению понятийных полей и вариативности терминоединиц на морфологическом уровне. Так, в польской части базы славянского языкознания в качестве соответствий для русских терминов приводятся синонимичные обозначения для диалектных явлений: *gwary pskowskie* = *dialekt pskowski* ср. *псковские говоры*, *gwary staroobrzędowców* = *język staroobrzędowców* ср. *старообрядческие говоры*.

Отдельно хотелось бы остановиться на частной подсистеме лингвистической терминологии, связанной с диалектологическими исследованиями. Диалектологические термины, в том числе касающиеся диалектного членения языка, из-за специфики объекта исследования и различий в националь-

¹⁴ Беляева Л.Н., *Специальные тексты в аспекте машинного и ручного перевода (к проблеме перевода именных терминологических сочетаний)*, [w:] *Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты*, Москва 2007, с. 90.

¹⁵ Бархударов Л.С., *Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода)*, Москва 1975.

ных подходах, в ряде случаев не находят межъязыковых эквивалентов. Так, в русской диалектологии территориальные разновидности национального языка объединяются в наречия (северное, южное, среднерусское), в рамках которых выделяют затем группы (и подгруппы) говоров. В свою очередь, для польского языка выделяют несколько крупных диалектных массивов (великопольский, мазовецкий, малопольский, силезский, отдельно рассматриваются кашубские говоры) с последующим их членением на группы говоров. В этом смысле введение в базу терминов *архангельские*, *поморские* и др. *говоры* не вызывает сомнений, поскольку в данном случае принцип номинации (который условно можно назвать «конкретно-географическим») совпадает с принципом, принятым в польской диалектологии. Однако в русской диалектологии существует также территориально-лингвистическое деление второго типа, единицами которого являются диалектные зоны (западная, северная, северо-западная, северо-восточная, южная, юго-западная, юго-восточная, а в ряде работ выделяется еще и центральная)¹⁶. Членение на диалектные зоны для польского диалектного массива не проводится, соответственно термины зонального членения не имеют соответствий в польском языке. Как видно, отдельные понятия национальной диалектологической школы могли не разрабатываться диалектологами в других странах, этим объясняется и отсутствие четко закрепленных терминологических соответствий. К числу таких «безэквивалентных» терминов следует отнести, например, термины *диалектная зона*; *частная диалектная система* – одно из основных понятий московской диалектологической школы. Подобная ситуация наблюдается и в других частных терминосистемах, развивающихся в рамках конкретных лингвистических школ. Так, лишь условным эквивалентом для активно применяемого в русской функциональной фонетике термина *интонационная конструкция* (ИК) можно считать польские терминологические единицы *kontur intonacyjny* и *intonacja zdaniowa*. Учитывая особенности формирования национальной синтаксической терминологии, безэквивалентными следует признать рус. *причинно-следственное предложение* и пол. *zdanie przyczynowe, zdanie skutkowe* (при наличии в польской лингвистической литературе терминов *zdanie okolicznikowe przyczynowe, zdanie okolicznikowe skutkowe*), так же, как не соотносимыми оказываются термины рус. *номинативное предложение* и пол. *bezogzeczeniowa konstrukcja nominatywna*, рус. *обособленная конструкция* и пол. *arozucja*.

Подобные проблемы возникают также при сопоставлении терминологии русского и польского языков в сфере социолингвистики. При общей соотносимости терминов *литературный язык* = *język literacki*, *жаргон* = *żargon* = *argot* и т.п. установление отношений полной эквивалентности между терминологическими единицами, описывающими социальные разновидности языка, не всегда

¹⁶ Пожарицкая С.К., *Русская диалектология*, Москва 2005.

оказывается возможным. Так, из-за наличия расхождений в содержательном плане и указания на специфические объекты национальной языковой ситуации фактически следует признать безэквивалентными термины рус. *городское просторечие*, пол. *gwara miejska* а также используемые для описания чешской языковой ситуации *обиходно-разговорный язык* (чеш. *obecná čeština*), украинской – *суржик*, белорусской – *трасянка*. Особую проблему представляют термины, расхождения в значении которых не являются общеизвестным фактом. Примером такой межъязыковой семантической асимметрии может служить социолингвистический термин *этнолект*. Термин *этнолект* появился в работах американских социолингвистов в 1970-е годы для обозначения разновидности английского языка потомков иммигрантов, утративших этнический язык, но сохранивших в речи ряд особенностей, возникших в результате интерференции¹⁷. В работах российских социолингвистов термин *этнолект* понимается как «местная разновидность языка, функционирующая в условиях постоянного языкового контакта, специфика которой обусловлена интерференцией со стороны родного языка (языков) билингвов»¹⁸. Согласно такому пониманию термина *этнолект* можно говорить о *дагестанском* или *белорусском этнолекте русского языка*, причем его носителями могут быть представители различных этносов и этнических групп. В то же время в работах польских социолингвистов *этнолект*, как правило, понимается как язык определенной этнической группы, прежде всего в случаях, когда вопрос о статусе идиома (язык или диалект) является спорным. В этой связи говорят, напр., о *кашубском, силезском, лемковском этнолектах*. В российских работах такое понимание термина встречается, однако его нельзя признать доминирующим. Очевидно, что в случаях, когда налицо несовпадение объема понятия терминов в разных языках, решение об установлении отношений эквивалентности в информационно-коммуникативной системе должно приниматься с учетом таких различий.

Национальную специфику подходов к вычленению соответствующих объектов языковой реальности иллюстрирует также избирательность в отношении выбора базового элемента в составе многокомпонентных сочетаний: ср. признаваемые эквивалентными рус. *профессиональный жаргон* и пол. *gwara zawodowa = żargon zawodowy*. Вариативность терминологических сочетаний с использованием синонимичных базовых субстантивов демонстрирует не только повышенный интерес исследователей к конкретному объекту исследования, но и определенную неустойчивость парадигматических связей в рамках частных терминосистем: ср. *компьютерный сленг, сленг наркоманов, сленг футбольных хулиганов* НО *игровой жаргон, сетевой жаргон, военный жаргон*

¹⁷ Wölck W., *Ethnolects – between bilingualism and urban dialects*, [w:] *Opportunities and challenges of bilingualism* / ed. L. Wei, J.-M. Dewaele, A. Housen, Berlin 2002, p. 157.

¹⁸ Беликов В.И., Крысин Л.П., *Социолингвистика*, Москва 2001, с. 24.

гон, журналистский жаргон, язык падонкофф. Уровень разработанности соответствующего понятия и степень устойчивости терминологии при этом в разных языках может разной: ср. рус. *молодежный сленг* = *молодежный жаргон* и пол. *gwara młodzieżowa* = *socjolekt młodzieżowy* = *język młodzieżowy* = *slang młodzieżowy*, аналогично рус. *студенческий жаргон* и пол. *slang studencki* = *gwara studencka* = *socjolekt studencki* = *język studencki*. Распространенность синонимичного ряда для обозначения конкретной социальной разновидности языка можно считать также косвенным показателем важности данного явления в современной языковой ситуации и научном дискурсе в целом, ср. рус. *преступное аргю* = *уголовный жаргон* и пол. *gwara przestępcza* = *żargon przestępczy* (= ред. *gwara złodziejska*), а также синонимичные им *тюремный жаргон* = *блатной жаргон* = *феня* = *воровской жаргон* = *уголовный жаргон* с тенденцией к дифференциации понятий в этом ряду терминов.

Избирательность в выборе компонентов многословного терминологического сочетания следует признать одним из главных источников синонимии, в том числе межъязыковой, в рамках частных терминосистем. Весьма любопытные наблюдения можно сделать, например, при сопоставлении имеющих в русском и польском языках терминологических сочетаний с базовыми элементами «язык» – «речь» / «język» – «mowa». Восходящее к сосюрховской триаде *langue – parole – language*, семантическое противопоставление в современном терминологическом узусе нередко стирается, в том числе, приводя к взаимозаменяемости элементов язык – речь – говорение / *język – mowa – mówienie* в составе многокомпонентных терминов. При этом отношения полной (семантической и структурной) эквивалентности, очевидно, устанавливаются между терминоединицами **язык фольклора** = **język folkloru**, **язык и гендер** = **język a płeć**, **язык масс-медиа** = **język mediów**, **язык прозы** = **język prozy**. Однако относительно большая распространенность и семантическая нагруженность рус. термина *речь* по сравнению с пол. *mowa* выражается в структурно-содержательной асимметрии типа *разговорная речь* (при наличии менее распространенного *разговорный язык*) = *język potoczny* (при наличии более ограниченного *mowa potoczna*), аналогично см. *устная речь* (реже *устный язык*) = *język mówiony* = *język ustny*, *письменная речь* (реже *письменный язык*) = *język pisany*. При этом вне отношений эквивалентности оказываются, в частности, термины, описывающие национально-специфические реалии языковой ситуации прошлого: *книжный язык*, *книжно-письменная речь*. Лишь внешне подобными являются термины *деловая письменность* и *język urzędowy*, поскольку первый (русский) применяется для описания делового стиля в истории (русского) литературного языка, а второй (польский) обозначает стилевую разновидность современного языка. Различное положение единиц *язык – речь* и *język – mowa* в соответствующих терминосистемах в координатах центр-периферия непосредственно связано с различиями их деривационной

активности и способности формировать признаковые номинации: ср. с одной стороны, *языковая картина мира = językowy obraz świata*, а с другой – *речевая ошибка = błąd językowy*, *речевой этикет = etykieta językowa*, *культура речи = kultura języka*.

Заметим, что для частных терминосистем в целом характерно распространение полной синонимии дублетного типа, как в случае с *лексический состав = словарный состав* (ср. *zasób leksykalny = zasób słownikowy*), *язык русин = русинский язык* (*język rusiński*), *konstrukcja składniowa = konstrukcja syntaktyczna* (ср. *синтаксическая конструкция*), *grupa imienna = grupa nominalna* (ср. *именная конструкция*). Синонимичность конструкции может являться, среди прочего, результатом варьирования формальной структуры терминологического сочетания, как в случае: *язык поэзии = поэтический язык* (*język poetycki = język poezji*). В ряде случаев возникают распространенные синонимические ряды типа *язык художественного произведения = язык художественного текста = язык художественной литературы* (*język artystyczny = język literatury pięknej*). В то же время между единицами терминосистемы иногда возможно установление лишь отношений частичной синонимии, в частности, из-за несовпадения коннотативного компонента их содержания: так, представляется, что если термины *литургический язык = язык богослужения* можно признать полными синонимами, то обозначение *сакральный язык* можно признать равноценным им только с определенными оговорками (ср. *język liturgiczny = język sakralny*). Возможны также случаи несовпадения объема понятий, что приводит к установлению лишь отношений частичной синонимии в случае с терминами *язык прессы* (*język prasy*), *язык публицистики* (*język publicystyki*) и *язык масс-медиа* (*język mediów*), которые, в свою очередь, находятся в отношениях семантической иерархии, соподчиненности. В распространенных синонимических рядах семантический сдвиг связан, в частности, с вхождением терминов в разные логико-парадигматические ряды: *актуальное членение предложения = темо-рематическая структура = коммуникативная перспектива высказывания = функциональная перспектива высказывания*. Характерно, что при соотнесении синонимических рядов терминов в русском и польском языках при общей эквивалентности обнаруживаются определенные отличия в структуре синонимических рядов, так если в паре *актуальное членение предложения = темо-рематическая структура* доминантой является первое из определений, то в польской терминосистеме это соотношение будет обратным: *struktura tematyczno-rematyczna = aktualne rozczłonkowanie zdania*; эквивалентом синонимической пары *коммуникативная перспектива высказывания = функциональная перспектива высказывания* является лишь *funkcjonalna perspektywa zdania*.

Включение многокомпонентных терминологических сочетаний, составляющих значительную часть терминосистемы современного языкознания, в

многоязычную информационную систему iSybislaw открывает широкие возможности для исследования парадигматических связей и деривационных возможностей терминов в рамках частных терминосистем. Подчеркнем, что при работе над iSybislaw перевод терминологических единиц применяется только в исключительных случаях, основная часть терминов извлекается из научных текстов на соответствующем языке, а затем проходит процедуру поиска соответствий. Особую исследовательскую проблему представляет возможность установления отношений эквивалентности между многословными терминами в разных славянских языках, в том числе в польском и русском. При общей констатации того факта, что большинство терминов входят в состав группы семантических констант, обладающих постоянными соответствиями (полными эквивалентами) в различных языках¹⁹, значительная часть многокомпонентных терминологических сочетаний в силу ряда причин попадает в группу с частичной эквивалентностью терминологических единиц. Вопрос о включении безэквивалентных терминологических сочетаний (и однословных обозначений) в многоязычную базу славянского языкознания должен решаться каждый раз особо после рассмотрения их значимости для научных школ отдельно взятой страны и славянского языкознания в целом.

SUMMARY

Multi-word terms in scholarly discourse and in the ISYBISLAW database: a case-study of Polish and Russian corresponding terminological units

The article focuses on the problem of establishing equivalence between Russian and Polish multi-word terms in the bibliographic database of Slavic linguistics publications ISYBISLAW. The authors analyze the main criteria based on which multi-word terms are selected and verified. The reasons of formal and semantic asymmetry between terminological units in Polish and Russian are examined. Though most multi-word terms could be considered total equivalents in compared languages, many multi-word terms should be classified as partial equivalents as well. The authors support the idea that those terms which don't have equivalents in related languages but are of great importance to scholarly traditions in particular countries can also be included into the ISYBISLAW database.

¹⁹ Урбанек Д., *Понятие переводческой эквивалентности и переводческая типология лексики*, [w:] *Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках*, Москва 1997, с. 61-62.